

угрюмый господинъ и его сосѣдь собрался уходить, подъ предлогомъ, что имъ сегодня нужно быть въ театрѣ. Игнатій Ивановичъ съ налитымъ стаканомъ чая подошелъ къ учителю, который сейчасъ же началъ что-то ему горячо объяснять. Блѣднолицый господинъ сосредоточенно шуршалъ листами лежащей предъ нимъ книги, отпивая небольшими глотками чай изъ стакана. Владиміръ Николаевичъ и курсистка хозяйничали, т. е. предлагали чаю тѣмъ, у кого не было, и по числу гостей вели подсчетъ налитымъ стаканамъ.

— Для меня, „благодѣтельный переломъ“ съ Нехлюдовымъ въ означенномъ толстовскомъ направленіи неясенъ, началъ опять Игнатій Ивановичъ. Я готовъ допустить, что обвиненіе Масловой, имѣвшей такое огромное вліяніе на Нехлюдова, было ошибкой суда, ошибкой гг. присяжныхъ, у которыхъ на этотъ разъ произошло какое-то странное потемнѣніе здраваго смысла. Кстати о судѣ присяжныхъ. Этотъ новый судъ, въ противоположность прежней процедурѣ судовъ,—судъ „скорый, милостивый и для всѣхъ равный“,—эта одна изъ великихъ реформъ Александра II,—къ общему удивленію, Толстымъ не пощажена; надъ ней онъ поставилъ крестъ въ лицѣ бывшаго присяжнаго, кн. Нехлюдова, который, конечно, совершилъ глупость на судѣ. И странно! эта нехлюдовская глупость будто-бы должна открыть всѣмъ глаза на то, что суды не слѣзны. Изъ того, что въ судахъ совершаются ошибки, изъ того, что въ тюрьмахъ и на каторгѣ преступники не исправляются, а еще развращаются,—изъ всего этого нѣтъ основаній въ принципѣ отвергать установленныя мѣры борьбы съ преступностью. Логически мы можемъ заключать только то, что данныя мѣры несовершенны, не достигаютъ желаемой цѣли и потому требуютъ того или другого измѣненія. А если Нехлюдовъ, напротивъ, пришелъ къ безусловному отрицанію и судовъ, и тюремъ и притомъ такъ скоро и легко,—мы усматриваемъ въ его душевномъ кризисѣ что-то не свое, а дѣланное, именно то, что желаетъ навязать ему авторъ въ угоду своей тенденціи, нисколько не справляясь съ психикой своего героя. Къ тому же Нехлюдовъ, какъ характеризуетъ его авторъ, вполне заурядная личность. Онъ былъ совершенно непроницаемъ для тѣхъ вопросовъ жизни, которые у насъ называются роковыми,---„не вѣрилъ ни въ Бога, ни въ добро“, а жилъ, какъ